

Те, что были на нем прошлой ночью, были совершенно бесполезны, и он не собирался надевать эти чудовищные трусы-стринги, которые предложила медсестра.

Это было то, что беспокоило его и было одной из причин, по которой он поспешил в ванную. Во-первых, он не горел нетерпением встретиться с ЭмДжей, но будь он проклят, если сделает это без подходящей пары трусов.

Кроме... откуда взялись белые боксерские трусы, которые сейчас были на нем?

Они были незнакомы.

У него не было пары именно в этом стиле. Тетя Мэй взяла за правило, когда ходила по магазинам, покупать ему свободные боксеры в яркую клетку. У него никогда не было такой пары.

Это перешло далеко за рамки просто странного и стало сюрреалистичным.

Пит закрыл глаза, чувствуя, как его сердце снова начинает бешено колотиться. Он глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться, и пожал плечами. Позже у них будет достаточно времени поразмыслить над загадкой боксеров.

Это были еще одни данные, которые следовало учитывать.

Просто еще один вопрос, о котором ему следует подумать, как только он устроится.

Он начал стягивать их вниз и наткнулся на еще кое-что странное.

Просунув большие пальцы за пояс, он столкнулся с каким-то странным сопротивлением и тревожным сосущим, рвущимся звуком, когда попытался опустить их вниз.

Как будто материал прилип к нему. Он надавил сильнее и почувствовал, как она странно тянет его.

Он нервно сглотнул еще раз и опустил глаза.

Хорошо... они казались нормальными.

Он расстегнул эластичный пояс и уставился на нее. Нижняя сторона была похожа на открытую рану. Не совсем кровавый, но по цвету и консистенции он напоминал сырое, блестящее мясо. Как будто кто-то очень осторожно и с большой точностью содрал с него кожу, не оставив ничего, что могло бы прикрыть обнаженные мышцы.

Он мог видеть, где материал боксеров переходил в плоть его бедер.

Одна рука скользнула ниже. Они чувствовали себя боксерами. Материал на ощупь напоминал хлопок... но это также было частью его самого. Он подавил восклицание и поспешно отдернул руки. Его только что успокоившееся сердце учащенно забилося.

Он поспешно засунул руку за ширинку боксеров, чтобы убедиться, что все остальное по-прежнему на месте, и позволил себе слегка вздохнуть с облегчением, когда понял, что... да... все было учтено.

Это вызвало следующий вопрос.

Как ему удалось их снять? Его нервы были на пределе, а дыхание участилось.

Его сердце просто отказывалось успокаиваться.

Он уставился на свое отражение, гадая, понадобится ли ему воспользоваться ножом. Понадобится ли ему операция, чтобы снять их сейчас?

И почему именно эта пара?

Его сердцебиение внезапно участилось, достигнув такой силы, что у него перехватило дыхание.

Учащенное сердцебиение? На самом деле у него никогда их раньше не было, сказал он себе, но он также никогда многого не делал до вчерашнего вечера.

Его сердце бешено заколотилось, и боксеры внезапно начали корчиться и смещаться. Он зажал рот рукой, чтобы удержаться от крика, когда его бедра и промежность снова превратились в эти странные мясистые отростки... они расплелись, затем откинулись назад, и внезапно он оказался обнаженным.

Он уставился на нее.

С тех странных, пьянящих дней, когда он впервые наткнулся на учебники по биологии и понял, что на самом деле влечет за собой половое созревание, он не паялился на свою промежность с таким напряжением.

Его сердце снова успокоилось, и он проглотил подступившую желчь.

Что ж... это было то, чего он хотел, верно? Странные трусы исчезли.

Он нахмурился и сосредоточился на образе этих трусов. Его сердцебиение бешено колотилось, странные красные штуки расплывались и трепетали у него на бедрах, и он снова был в них.

Он моргнул и усилием воли отогнал их.

Снова проявилось тревожащее биологическое расплетение и перестройка, и он снова оказался обнаженным.

Над этим определенно нужно было подумать.

Он посмотрел вниз и задумался. Он представил себе другую пару трусов. Один из его постоянных клиентов. Что-нибудь клетчатое... его сердце бешено колотилось, и он начинал связывать это со странными переменами, которые с ним происходили.

Это выглядело... неестественно. Он представил их себе так ясно, как только мог. Он представлял себе пару, которая принадлежала ему больше года и которую он носил довольно регулярно. Они были ему очень знакомы... Так почему же результаты выглядели такими странными?

Материал был неправильный. Не такой мягкий, тонкий полиэстер, каким он должен был быть. Под кончиками его пальцев это ощущалось почти как сплетенные волосы. Цвета были еще хуже. Красные, как кровь, в синих и черных крапинках, как синяки.

Он поморщился от того, как ужасно это выглядело, и задался вопросом, что пошло не так?

Наблюдать.

Изучать.

Что было по-другому?

Почему все было по-другому?

Белые трусы были не его. Откуда они взялись? Почему они были так идеально продублированы, в то время как то, что ему должно было быть легче визуализировать, будучи таким знакомым, не было?

Может быть, он мог бы попробовать более прямолинейную модель для копирования.

Он порылся в сумке и вытащил пару боксеров.

Он держал их перед собой. Зеленые и оранжевые клетчатые узоры на черном фоне.

Он не знал, почему до сих пор позволяет тете Мэй покупать ему нижнее белье.

Питер сосредоточился на его внешнем виде... ощущение этого под его пальцами... даже запах новой ткани, наполняющий его нос.

Его глаза сузились, когда его плоть расплылась в усики, а сердце заколотилось. Чем больше он пробовал, тем быстрее, казалось, получалось, но получалось похоже на его другую неудачную попытку, с желтовато-зеленым и кроваво-красным, а не на то, к чему он стремился.

Он разочарованно фыркнул и разжал руку. Мясистые красные усики отделились от его пальцев и охватили только что купленные боксеры.

На этот раз он не смог сдержать испуганного восклицания.

Он удивленно прикрыл рот руками. За этим последовало тихое ругательство, когда он услышал тяжелые шаги за дверью ванной, за которыми последовал торопливый стук.

— Питер, с тобой там все в порядке?

Он вздрогнул и приоткрыл дверь совсем чуть-чуть:

— Я в порядке, тетя Мэй! — сказал он, пытаясь улыбнуться, но все, что у него получилось, была болезненная гримаса. — Я ушиб палец на ноге, когда переоделся. Извините. Не хотел тебя беспокоить.

Она посмотрела на него с беспокойством, но его ответ несколько обескуражил ее.

— Ой. Ну, будь осторожнее, хорошо?

— Да, мэм, — сказал он, кивнув, и поспешно закрыл дверь, прислонившись к ней, чтобы вздохнуть с облегчением.

Он взглянул в зеркало и обнаружил, что теперь на нем то самое нижнее белье, которое он держал в руках. У них даже ценник все еще болтался на какой-то веревочке с одной штанины.

Он схватил бирку и резко дернул, если она была свободна. Он поморщился... Это было похоже на выдергивание волос у него из ноги. Это был не совсем тот ярлык. Это выглядело почти правильно, но почерк был размытым и нечетким, и теперь, когда он был отделен от него, материал, казалось, распадался на извивающиеся красновато-черные завитки.

Он поморщился и попытался выбросить то, что осталось, в раковину, но его рука впитала материал.

Он опустил взгляд, желая избавиться от нового нижнего белья. Они исчезли в красном тумане и грохочущих ударах сердец. Он уставился на нее, и появились белые боксеры. Затем они полностью исчезли. Вернулось новое нижнее белье.

— Я могу есть одежду. — сказал он ровным голосом, не веря своим ушам.

Он подошел к пакету с одеждой и засунул в него обе руки, путая и сжимая материал в сжатых кулаках. Впервые он активно участвовал в процессе потребления. Его сердцебиение сильно забилось, резкое внезапное крещендо ударов, которое грозило вырваться из груди, и все было кончено.

Сумка была пуста.

Питер повернулся лицом к зеркалу и развел руки в стороны. Все его тело дернулось... красные и черные усики коротко взмахнули и заняли новые позиции, новые цвета. Сейчас на нем были брюки цвета хаки, простая белая футболка, поверх нее джинсовая рабочая рубашка на пуговицах и кроссовки. Или, по крайней мере, это была чрезвычайно хорошая эмуляция.

Он сосредоточился, и белая футболка превратилась в красное пятно, сменившись черной рубашкой с выпуклым смайликом. Рабочая рубашка тоже исчезла.

Что ж... это облегчит задачу в день стирки, подумал он. Так что я могу принять внешний вид всего, что я съел.

Он нахмурился, когда ему в голову пришла еще одна мысль.

Все, что он употребил.

Он посмотрел на свое отражение в зеркале, его лицо ничего не выражало.

Его сердцебиение участилось, и его тело, казалось, раскрылось само по себе, и красные завитки заслонили все, пока его тело восстанавливало себя. Он прибавил в росте еще шесть дюймов. Его плечи расширились, плотные мускулы подчеркнули его фигуру. Его одежда сменилась... черные джинсы, рабочие ботинки и толстовка с капюшоном.

Он уставился в зеркало на человека, которого съел.

Он откинул толстовку, обнажив пустое опухолевидное лицо Клетуса Кэседи. Питер встретился взглядом со своими собственными слабо светящимися глазами, не понимая, почему он не

может отвести взгляд.

Это была жизнь, которую он отнял.

Съеденный.

Он тяжело оперся на раковину, и лицо снова изменилось, красный цвет приобретал новые очертания по мере того, как опухоли таяли... Нос и подбородок становились на место, на лысине начали прорастать рыжие волосы, а на носу и щеках появились россыпи веснушек, пока результаты не стали неузнаваемыми.

Питер моргнул.

Теперь это лицо победителя, растягивая слова, произнес тихий голосок у него в затылке, и перед глазами всплыли фотографии с этим лицом, воспоминания о том, как он его брил. Его собственный... Прежнее лицо Клетуса... что бы ни было в том флаконе, оно превратило его в того, кем он стал.

Он вздрогнул и отступил назад, его тело снова сжалось, теряя облик Клетуса Кэседи, пока не остался только Питер в клетчатой рубашке, брюках цвета хаки и кроссовках.

Еще вопросы. Он вздохнул.

Он также очень надеялся, что тете Мэй не придет в голову спросить, где осталась его одежда.

<http://tl.rulate.ru/book/98571/3354507>